

УДК 94(37).07

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ «РЕЧИ МЕЦЕНАТА» (DIO CASS. 14–40)

© 2014 г.

К.В. Марков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mkv_2003@mail.ru

Поступила в редакцию 26.09.2013

Рассматриваются основные подходы к трактовке знаменитой «речи Мецената» в «Римской истории» Диона Кассия, включающей обоснование преимуществ единовластия и проект конкретных реформ. Признавая наиболее аргументированную версию о том, что речь содержит политическую программу самого Диона Кассия, автор делает попытку раскрыть политический смысл речи в контексте особенностей политической жизни Рима в эпоху Северов.

Ключевые слова: Древний Рим, Дион Кассий, Северы, Меценат, политическая мысль императорского Рима.

«Речь Мецената» составляет основное содержание ЛП книги «Римской истории» Диона Кассия. Композиционно данная книга образует своего рода рубеж между повествованием о республиканском периоде и императорском. Почти вся она посвящена дискуссии о наилучшей форме правления, которая разворачивается между Агриппой и Меценатом в присутствии Октавиана в 29 г. до н.э.¹ Агриппа ратует за сохранение республики, а Меценат выступает в роли защитника единовластия. Выступление Мецената содержит не только ряд общих концептуальных рассуждений, но и подробный план реорганизации римской державы. Именно эта часть речи вызывает наибольший интерес у исследователей, и ее политический смысл является предметом уже более чем вековой дискуссии. Можно выделить несколько основных подходов. Есть версия, что речь Мецената – это обобщающая характеристика принципата, каким он представлялся историку начала III в. н.э. [1, р. 88–101]. Некоторые исследователи пытаются на основании ЛП книги реконструировать воззрения исторических Агриппы и Мецената [2, р. 78–82]. Все же большинство исследователей рассматривают речь как политическую программу самого Диона. Почему? Уже сам факт, что Август, согласно Диону, признал часть предложений Мецената несвоевременными (ЛП. 41. 1–2), свидетельствует о том, что автор не идентифицировал проект Мецената с принципатом Августа, но преследовал другие намерения. Среди предложений Мецената нет таких, которые относились бы исключительно к принципату Августа, но есть такие, которые относятся только ко второму

веку или эпохе Северов (например, распространение прав гражданства на все свободное население империи (ЛП. 19. 6) было осуществлено Каракаллой в 212 г.). Ряд предложений Мецената У. Эспиноза Руис называет «футуристическими», так как они предвосхищают время Диоклетиана. К ним относятся: понижение статуса Италии до уровня провинции, установление жалования для всех государственных служащих от простого солдата до наместника провинции, разделение гражданского и военного управления (22. 1–6), ликвидация местной чеканки монеты (30. 9), сосредоточение финансов исключительно в императорской казне (25. 1–5) [3, р. 479]. Кроме того, Меценат предлагает разделить империю на небольшие провинции равного размера во главе с проконсулом и двумя его помощниками в ранге претория (22. 1–3). Это предложение, так же как и введение системы государственного образования для сенаторов и всадников (26. 1–2), вообще никогда не было осуществлено и встречается только у Диона Кассия [4, р. 198].

Многие отмечают антивсаднический и про-сенаторский характер речи, но относительно полномочий императора, а следовательно, и самой сути государственного строя, предлагаемого в данном проекте, мнения расходятся. Так, например, довольно долго считалось, что Дион желал усиления императорской власти [5–10]. В настоящее время более распространен иной взгляд, а именно: главной целью Диона было возвращение к принципату «золотого века» Антонинов и тем принципам взаимодействия императоров и «правлящего сословия», которые были заложены еще во времена Августа [11–

16]. Некоторые даже видят в речи Мецената идеи о совмещении *principatus* и *libertas* [3, р. 471–490]. На этом фоне заметно выделяется версия А.Л. Смышляева, появившаяся более двадцати лет назад, но, к сожалению, оставшаяся практически незамеченной зарубежными исследователями. Автор попытался проследить, к каким последствиям могла бы привести реализация практических предложений Мецената во времена Северов, и пришел к выводу, что идеальная монархия Диона Кассия – «принципат Августа навыворот». Будучи формально лишь первым сенатором, Август фактически обладал всей полнотой власти, а в проекте Диона, наоборот, император формально становился неограниченным властителем, но на самом деле все свои полномочия он мог осуществлять только через сенатскую администрацию, и таким образом государственные дела оказывались в руках сенатской олигархии, а сенат обрел бы могущество, которого не имел ни при Северах, ни при Антонинах. Император не смог бы уже найти надежную опору в лице муниципальной аристократии и всадников и, кроме того, утратил бы такие важные инструменты абсолютной власти, как императорский культ и обширные императорские земельные владения. Вместе с тем Дион специально создал иллюзию того, что целью его программы является установление абсолютной власти императора. Вероятно, он рассчитывал убедить Александра Севера реализовать проект [17, с. 58].

В связи с имеющимися различиями в толковании речи предлагаю взглянуть на ряд обстоятельств. «Римская история» Диона Кассия в окончательной редакции была издана, вероятнее всего, в начале 30-х гг. III вв. н.э. [18, с. 142–154], при том что основная работа по составлению текста проводилась в 220-е гг., т.е. как раз в тот период, когда, судя по имеющимся у нас данным, Дион принимал активное участие в политической жизни Рима, и можно без преувеличения назвать его одним из столпов режима Александра Севера [19, с. 239–251; 20, с. 372–437]. Вместе с тем именно этот период стал для Диона временем суровых испытаний, жизнь его оказалась под угрозой, и произошло это, как он сам считал, из-за того, что нарушилась традиционная система отношений императоров с войсками на фоне явной слабости императорской власти. Возможно, именно отсюда потребность в наведении порядка и укреплении административного контроля и, вместе с тем, создание такой системы, которая будет работать даже в том случае, если императором станет

человек, не совсем подходящий на эту роль. Все это отражено в проекте Мецената.

Обращаясь к содержанию речи, рассмотрим лучшие с точки зрения Диона принципы управления державой, представленные в 14–15-й главах ЛП кн. Здесь говорится о том, что император должен положить конец дерзости толпы и предоставить «управление государством себе и другим лучшим людям. Тогда в сенате заседали бы наиболее разумные, командовали бы войсками наиболее искусные в военном деле, а несли воинскую службу и получали за это жалованье самые крепкие и самые бедные. Таким образом... все обретут истинную демократию и безопасную свободу. Ибо пресловутая «свобода» толпы оборачивается самым тяжким рабством для наилучших людей и несет общую гибель и первой, и этим последним, в то время как та свобода, которая везде превыше всего ставит благоразумие и обеспечивает *всем равенство в соответствии с достоинством...*» (14. 3–5). Суть «истинной демократии» состоит в установлении и поддержании определенного социального порядка, при котором на вершине общественной иерархии оказываются те, кого Дион именует «лучшими людьми». Меценат ставит во главу угла равенство по достоинству, выражая, видимо, позицию самого автора, ибо похожее высказывание в VI кн. гласит, что суть демократии заключается не в том, чтобы каждый добивался равного воздаяния, но чтобы все получали награду по заслугам (VI. 23. 5). Историк, таким образом, обнаруживает знакомство с концепцией т.н. «геометрического равенства», которая встречается у Платона, Аристотеля, Дионисия Галикарнасского и Плутарха [21, с. 65–73]². С монархической же идеей данная теория связывается в сочинениях Ксенофонта (Суг. I. 2. 13–15; II. 2. 21) и, особенно, Исократ. Последний считал, что только монархия «более всего предоставляет привилегий тому, кто является наиболее достойным...» (III. Nic. 15) [22, с. 3–20]. Правитель должен обуздывать бесчинства толпы, следить за тем, чтобы лучшие жили в почете, а прочие — ни в чем не терпели обиды (III. Nic. 15–17).

Наиболее ярко аристократическая окраска идей Диона проявляется в 15-й главе: «...было бы прекрасно и полезно и для тебя, и для государства, чтобы ты сам совместно с лучшими мужами издавал все необходимые законы и чтобы никто из народа не выдвигал против них возражений и не противодействовал их принятию; чтобы войны велись в соответствии с вашими решениями, а все остальные немедленно исполняли приказания, чтобы вами осуществ-

лялся выбор начальствующих лиц, определялись почести и наказания. И тогда все то, что показалось тебе правильным при обсуждении с равными по достоинству (ὀμότιμον), тотчас станет законом; нападения на врагов будут готовиться втайне и осуществляться своевременно; исполнители тех или иных поручений будут назначаться в зависимости от способностей, а не по жребию или по искательству должностей; и люди достойные будут получать почести, не возбуждая к себе зависти, а негодяи будут наказываться, не оказывая сопротивления» (ЛП. 15. 1–3).

Итак, согласно данному проекту, правитель решает ключевые вопросы внешней и внутренней политики совместно с «лучшими мужами», «равными ему по достоинству»³. Такой взгляд на императорскую власть заметно отличается от того образа правителя, который встречается в сочинениях античных авторов II – начала III в. Элий Аристид называет императора «Зевсом на Олимпе» (Or. XXVI. 89), у правителя есть «помощники и посланцы», которые «много ниже, чем он, но много выше, чем их подчиненные... молча, без шума и смущения исполняют все дела» (Ibid.)⁴. У Флавия Филострата в речи Аполлония Веспасиан представлен как «державный муж», который опирается на родных детей и друзей, преданных ему лично. Он сам руководит войсками, вершит суд, в делах власти он – «самодержец» (V. 35–36). Дион Христом в одной из речей «О царской власти» пишет о том, что правителя должны окружать настоящие друзья, но они рассматриваются не как равные по достоинству, но как люди подчиненные, которым правитель дает наиболее ответственные поручения, либо они дают советы по отдельным частным вопросам (Or. III. 87–88). Плиний Младший в «Панегирике Траяну» отмечает самостоятельность принцепса в решении широкого спектра государственных вопросов. Император – это тот, «беспрекословной власти которого подчиняются моря и земли и от кого зависят мир и война» (4), он единолично правит войсками и решает вопросы войны и мира, поддерживает дисциплину в армии (16–18), возвышается над подданными «по своему сану, по власти, которая выше людей, но все же свойственна человеку» (24), согласие принцепса и сената – это милость Цезаря: «Ты зовешь нас быть свободными, и мы будем свободными; призываешь открыто высказывать наши мнения – мы их объявим... Теперь же, опираясь на твою десницу, полагаясь на твои обещания, мы отверзаем уста, сомкнутые продолжительным рабством, и снимаем с наших языков узы мол-

чания, наложенные на них столькими бедствиями. Ты хочешь, чтобы мы были такими, какими ты приказываешь нам быть» (62–65; пер. В.С. Соколова). На фоне подобных представлений «истинная демократия» Диона выглядит как некая аристократическая форма правления.

В таком случае следующий и, думается, самый главный вопрос: кем, в представлении Диона, могли быть те самые «гомотимы», с которыми император делит свою власть? Принято считать, что Дион намекает на сенаторов [17, с. 62; 23, р. 273], и с этим сложно не согласиться, но применительно к эпохе Северов данное определение оказывается слишком расплывчатым. В начале III в. сенаторское сословие не было единым и однородным. По мнению некоторых исследователей, сенаторы отличались друг от друга по статусу и политическим интересам, что зависело от их происхождения и степени участия в государственных делах. Лишь немногие могли достичь звания *consul ordinarius*. Именно этих людей в настоящее время нередко именуют сенаторской элитой [24, р. 41]. Дион в этом отношении выгодно отличается от прочих сенаторов греческого происхождения. Он побывал в должности проконсула провинции Африка, управлял в качестве *legatus Augusti* Далмацией и Верхней Паннонией и получил ординарный, причем второй консулат, а его коллегой был Александр Север. В связи с этим обратим внимание на такой аспект проекта Мецената, как «строгость» к провинциям. Городам запрещается иметь народные собрания, тратить средства на общественное строительство, устраивать празднества и зрелища, обеспечивать пожизненное содержание победителей соревнований (кроме победителей Олимпийских и Пифийских игр, а также игр, проводимых в Риме), иметь собственную чеканку и свою систему мер и весов (ЛП. 30. 2–9). Все свои просьбы к императору они должны передавать не напрямую, т.е. отправляя посольства, но через наместника, который сам решает, какие просьбы одобрить, а какие отклонить (30. 9–10). Существует мнение, что сенатор Дион Кассий в данном случае стремился существенно уменьшить роль знати провинциальных городов как потенциальной опоры императора [17, с. 59]. Вместе с тем очевидно, что предлагаемые им меры значительно изменили бы жизнь и облик греческих городов и затронули бы интересы широких слоев городского населения. Известно также, что сенаторы-греки во II–III вв. были, как правило, тесно связаны со своей «малой родиной», принимали участие в её делах и отстаивали её интересы [25]. Почему же на Диона

в данном случае это правило не распространяется? Очевидно, автор выражал в данном случае сугубо римский взгляд на отношение к провинциям. Еще Плиний Младший в письмах Траяну писал об ограничении расходов на строительство общественных сооружений и проведение игр (Ер. X. 39–40; 112–113). Он также делал запрос у императора насчет притязаний атлетов, необоснованно, с точки зрения Плиния, требовавших пособий в связи с победой на соревнованиях (Ер. 10. 118–119), император же отвечал, что необходимо сократить подобные выплаты [4, р. 202].

В связи с этим отметим, что в последние годы проводились исследования имен сенаторов, занимавших во времена Северов высшие должности, и выявляется ряд сенаторских фамилий, составлявших т.н. «ядро» высшего сословия. Среди них есть и остатки старых республиканских родов, таких, например, как Ацилии Глабрионы, Авюлы и Валерии Мессалы, но значительно больше было тех, кто сделал военную карьеру при Марке Аврелии и Септимии Севере, в том числе Клавдий Помпейян, Марий Максим, Вирий Люп [24, р. 73]. Можно предположить, что представители именно этих семей являлись наиболее вероятными кандидатами на роль гомотимов при Александре Севере, впрочем, как и сам Дион, который в 20-е гг III в., безусловно, входил в число наиболее влиятельных сенаторов. Он занимал три из перечисленных выше ключевых государственных постов и, кроме того, управлял важной в стратегическом отношении Верхней Паннонией [19, с. 239–251]. Примечательно, что большинство фамилий предполагаемого «ядра» сенаторского сословия эпохи Северов были теснейшим образом связаны с Римом либо в силу знатности происхождения, либо вследствие их брачных связей с семьями Марка Аврелия и Пертинакса (как, например, Клавдии Помпейяны, Клавдии Северы и Постумии) [24, р. 79]. Такая статистика побуждает по-новому взглянуть на предложения в речи Мецената, касающиеся провинций и Рима. Возможно, они отражают интересы высшего звена политической элиты, как и в целом заложенная в речи концепция установления по сути сенатской олигархии.

Примечания

1. Обзор обширной литературы, посвященной речам Агриппы и Мецената, представлен в работах А.В. Махлаюка, К.В. Маркова [26, с. 47–55; 20].
2. Ср. также: Isocr. Areopag. 14; Aristot. Eth. Nic. 1141 B 21 sq.; Pol. 1282 B 14–1283 A 23.
3. Ср. с изображенным в «Киропедии» Ксенофонта персидским царем, управляющим государством совместно с советом старейшин из гомотимов (Суг. I. IV. 6; VIII. 1. 23–27).
4. Ср.: «Наместники, посылаемые городам и народам, правят своими подчиненными, но и сами между собой в равной степени находятся среди подчиненных. Можно сказать, что они отличаются от своих подчиненных лишь тем, что первые показы-

вают, как должны вести себя подчиненные. Таков в них страх перед великим правителем, который стоит над всеми. Они верят, что ему известно об их действиях больше, чем им самим. Поэтому они боятся его и почитают больше, чем раб господина, который разом и следит за ним и приказывает. Ни один из них не столь самоуверен, чтобы не дрогнуть при имени государя: он встает, он благоговейно его славит и возносит одновременно две молитвы: одну к богам – о его благополучии, а другую к нему – о своем. И если наместники хоть немного сомневаются в справедливости общих и частных жалоб своих подданных, то немедленно посылают ему письма, вопрошая, как им поступить, и ждут ответа, словно хор своего предводителя» (Or. XXVI. 31–32).

Список литературы

1. Hammond M. The Significance of the Speech of Mecenat in Dio Cassius, Book LII // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1932. Bd. 63. P. 88–102.
2. André J.M. Mécène essai de biographie spirituelle. Paris: Les Belles lettres, 1967.
3. Espinosa Ruiz U. Debate Agrippa-Mecenat en Dion Casio. Respuesta senatorial a la crisis del imperio romano en epoca severiana. Madrid: Universidad Complutense, 1982.
4. Reinhold M. From Republic to Principate. A historical commentary on Cassius Dio Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta: Scholars Press, 1988.
5. Meyer P. De Maecenatis oratione a Dione ficta: Diss. Berlin: C. Heymannum, 1891.
6. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях римской империи. М.: Наука, 1957.
7. Crook J. Consilium principis: imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian. Cambridge: Cambridge University Press, 1955.
8. Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie // Hermes. 1962. Bd. 90. H. 4. S. 445–467.
9. Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxford: Oxford University press, 1964.
10. Hose M. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart: Steiner, 1994.
11. Gabba E. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione // Rivista Storica Italiana. 1955. Vol. 67. P. 289–333.
12. Letta C. La composizione dell'opera di Cassio Dione: cronologia e sfondo storico-politico // Troiani L., Noe E., Letta C. Ricerche di storiografia greca di eta romana. Pisa: Giardini Ed., 1979. P. 168–169.
13. Blois L. de. The perception of emperor and empire in Cassius Dio's Roman History // Ancient Society. 1998–1999. Vol. 29. P. 267–281.
14. Kuhn-Chen B. Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2 und 3. Jahrhundert n. Chr.: Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2002.
15. Kemezis A.M. The Roman Past in the Age of the Severans. PhD Diss. University of Michigan, 2006.

16. Roberto U. Aspetti della riflessione sul governo misto nel pensiero politico romano da Cicerone all'età di Giustiniano // *Montesquieu.it: biblioteca elettronica su Montesquieu e dintorni*. Bologna, 2010. P. 43–78.
17. Смышляев А.Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. ЛII, 14–40): проблемы интерпретации // *Вестник древней истории*. 1990. № 1. С. 54–66.
18. Марков К.В. Хронология работы Диона Кассия над «Римской историей» // *Вестник древней истории*. 2008. № 2. С. 142–154.
19. Марков К.В. Особенности государственной карьеры Диона Кассия в 220-е гг. // *Из истории античного общества*, Вып. 12. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2009. С. 239–251.
20. Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // *Кассий Дион Коккеян. Римская история*. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2011. С. 372–437.
21. Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М.: Наука, 1991.
22. Фролов Э.Д. Монархическая идея у Исократа // *Проблемы отечественной и всеобщей истории*. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1969. С. 3–20.
23. Schettino M.T. L'opposizione politica all'ascesa di Settimio Severo / M. T. Schettino // *L'opposizione nel mondo antico*. Milano: Vita e Pensiero, 2000. P. 261–280.
24. Mennen I. Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden; Boston: Brill, 2011.
25. Kriekhaus A. Senatorische Familien und ihre Patriae (1./2. Jahrhunderte n. Chr.) // *Studien zur Geschichtsforschung des Altertums*. Bd. 14. Hamburg: Dr. Covač. 2006.
26. Махлаюк А.В., Марков К.В. Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. // *Вестник древней истории*. 2008. № 2. С. 47–55.

ABOUT THE POLITICAL MEANING OF MEACENAS' SPEECH (DIO CASS. 14–40)

K.V. Markov

The article deals with the main approaches to the famous Meacenas' speech in Dio Cassius' «Roman history», which contains the praise of the advantages of monarchy and the reform project. According to the well-reasoned interpretation, the speech reflects the program of Dio himself. Therefore, the main purpose of the article is to reveal the political meaning of the oration by examining how its proposals could correlate with the peculiarities of the political life under Severans.

Keywords: Ancient Rome, Cassius Dio, Severans, Maecenas, political thought in the Imperial Rome.

References

1. Hammond M. The Significance of the Speech of Mecenias in Dio Cassius, Book LII // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1932. Bd. 63. P. 88–102.
2. André J.M. *Mécène essai de biographie spirituelle*. Paris: Les Belles lettres, 1967.
3. Espinosa Ruiz U. Debate Agrippa-Mecenias en Dion Casio. Respuesta senatorial a la crisis del imperio romano en epoca severiana. Madrid: Universidad Complutense, 1982.
4. Reinhold M. From Republic to Principate. A historical commentary on Cassius Dio Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta: Scholars Press, 1988.
5. Meyer P. De Maecenatis oratione a Dione ficta: Diss. Berlin: C. Heymannum, 1891.
6. Shtaerman E.M. *Krizis rabovladel'cheskogo stroia v zapadnykh provintsiakh rimskoi imperii*. M.: Nauka, 1957.
7. Crook J. *Consilium principis: imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian*. Cambridge: Cambridge University Press, 1955.
8. Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie // *Hermes*. 1962. Bd. 90. H. 4. S. 445–467.
9. Millar F. *A Study of Cassius Dio*. Oxford: Oxford University press, 1964.
10. Hose M. *Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio*. Stuttgart: Steiner, 1994.
11. Gabba E. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione // *Rivista Storica Italiana*. 1955. Vol. 67. P. 289–333.
12. Letta C. La composizione dell'opera di Cassio Dione: cronologia e sfondo storico-politico // *Troiani L., Noe E., Letta C. Ricerche di storiografia greca di eta romana*. Pisa: Giardini Ed., 1979. P. 168–169.
13. Blois L. de. The perception of emperor and empire in Cassius Dio's Roman History // *Ancient Society*. 1998–1999. Vol. 29. P. 267–281.
14. Kuhn-Chen B. *Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2 und 3. Jahrhundert n. Chr.: Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2002.
15. Kemezis A.M. *The Roman Past in the Age of the Severans*. PhD Diss. University of Michigan, 2006.
16. Roberto U. Aspetti della riflessione sul governo misto nel pensiero politico romano da Cicerone all'età di Giustiniano // *Montesquieu.it: biblioteca elettronica su Montesquieu e dintorni*. Bologna, 2010. P. 43–78.
17. Smyshljaev A.L. «Rech' Mecenata» (Dio Cass. LII, 14–40): problemy interpretacii // *Vestnik drevnej istorii*. 1990. № 1. S. 54–66.

18. Markov K.V. Hronologija raboty Diona Kassija nad «Rimskoj istoriej» // Vestnik drevnej istorii. 2008. № 2. S. 142–154.
19. Markov K.V. Osobennosti gosudarstvennoj kar'ery Diona Kassija v 220-e gg. // Iz istorii antichnogo obshhestva, Vyp. 12. Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo NNGU, 2009. S. 239–251.
20. Makhlaiuk A.V. Istorik «veka zheleza i rzhavchiny». Kassii Dion i ego «Rimskaia istoriia» // Kassii Dion Kokkeian. Rimskaia istoriia. Knigi LXIV–LXXX / Per. s drevnegrech. pod red. A.V. Makhlaiuka; kommentarii i stat'ia A.V. Makhlaiuka. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo NNGU, 2011. C. 372–437.
21. Kudrjavcev O.F. Renessansnyj gumanizm i «Utopija». M.: Nauka, 1991.
22. Frolov Je.D. Monarhicheskaja ideja u Isokrata // Problemy otechestvennoj i vseobshhej istorii. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1969. S. 3–20.
23. Schettino M.T. L'opposizione politica all'ascesa di Settimio Severo / M. T. Schettino // L'opposizione nel mondo antico. Milano: Vita e Pensiero, 2000. P. 261–280.
24. Mennen I. Power and status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden; Boston: Brill, 2011.
25. Kriekhaus A. Senatorische Familien und ihre Patriae (1./2. Jahrhunderte n. Chr.) // Studien zur Geschichtsforschung des Altertums. Bd. 14. Hamburg: Dr. Covač. 2006.
26. Mahlajuk A.V., Markov K.V. Istorik i vyzovy sovremennosti: «Rimskaja istorija» Diona Kassija kak pamjatnik istoricheskoi i politicheskoi mysli III v. n.je. // Vestnik drevnej istorii. 2008. № 2. S. 47–55.